РОССИЙСКИЙ ФОНД ПОМОЩИ/www.rusfond.ru

Филантропы без гангстеров

Галина Ляшенко
обозреватель

К вопросам благотворительности российские власти всегда относились, мягко говоря, неоднозначно. Впрочем, не они одни. Например, в США, где меценатству и благотворительности государство активно способствует, нередко случаются «благотворительные» скандалы. Один из последних произошел летом 2004 года: американского миллионера-мецената Герберта Аксельрода арестовали в берлинском аэропорту Тегель. Его долго разыскивали власти США за мошенничество, в том числе и на почве меценатства. В 2003 году миллионер продал за $18 млн симфоническому оркестру Нью-Джерси коллекцию из 30 скрипок и виолончелей работы Страдивари, Гварнери и других мастеров XVII–XVIII веков. Реальная стоимость коллекции оценивается в $50 млн. В связи с этим мецената заподозрили в том, что он намеренно занизил стоимость инструментов, чтобы сэкономить на налогах: получив налоговую скидку, он с лихвой покрыл потери от снижения цены коллекции.

Не обошли «благотворительные» скандалы и Россию. В начале 90-х благотворителям дали зеленый свет. И хотя проехать на него успели не все желающие, последствия предоставления налоговых льгот, с помощью которых, собственно, и стимулировали благотворителей, оказались впечатляющими. Достаточно вспомнить Национальный фонд спорта, скандалы вокруг «благотворительной» деятельности православной церкви и ветеранских организаций воинов-афганцев. В итоге благотворительная деятельность получила мощную антирекламу. Власть предпочла от благотворителей дистанцироваться, а с льготами бороться. По существу, не только с налоговыми льготами для различных фондов и благотворительных организаций, но и с явлением как таковым. За прошедшие годы были искоренены льготы в ЗАТО и немало других налоговых льгот, принято решение заменить социальные льготы денежными компенсациями и др.

И только осуществив все это и избавившись от собственных благотворительных функций, власти вспомнили о благотворителях. Тот факт, что раздел, посвященный благотворительным и другим некоммерческим организациям, впервые включен в рассматриваемую в настоящее время правительством программу среднесрочного социально-экономического развития страны на 2005–2008 годы, уже о многом говорит. Благотворителей не только признали полноценными участниками социально-экономических отношений, но и собрались их активно стимулировать.

В частности, в программе ставится задача «повысить эффективность некоммерческих организаций, устранить неоправданные ограничения их деятельности, а также создать дополнительные возможности для реализации гражданских инициатив с учетом имеющегося международного опыта». Для этого предлагается «модернизировать законодательство, регулирующее деятельность некоммерческих организаций... за счет расширения круга потенциальных получателей пожертвований». Хочется надеяться, что расширять круг получателей благотворительной помощи власти собираются не увеличивая число инвалидов или социально незащищенных, нуждающихся в поддержке граждан.

Кроме того, ставится задача «обеспечить равные условия доступа негосударственных и государственных некоммерческих организаций на рынки социальных услуг», в том числе «за счет обеспечения равенства условий налогообложения поставщиков социальных услуг различных организационно-правовых форм». И хотя напрямую о налоговых льготах для благотворителей пока никто не говорит, очевидно, что налоговые методы стимулирования этой сферы неизбежно должны появиться. Так как занятие благотворительностью должно быть не просто уважаемым, но и привлекательным. Очевидно, что в этой связи неизбежно встает вопрос о злоупотреблениях. Наступать на одни и те же грабли власти не хотят и предлагают «внести изменения в законодательство о некоммерческих организациях, обеспечивающие высокий уровень прозрачности отчетности и правил контроля за используемым этими организациями имуществом».

Впрочем, относительно светлое будущее благотворительной деятельности может наступить даже не в среднесрочной, а в краткосрочной перспективе. На днях Госдума в первом чтении одобрила правительственные поправки в Налоговый кодекс, делающие благотворительную помощь более доступной для ее получателей. Дело в том, что до сих пор не действует установленная Налоговым кодексом льгота, освобождающая граждан от уплаты подоходного налога с сумм благотворительной и гуманитарной помощи. Причина в том, что в законе есть требование: чтобы не платить налог, организация-даритель должна быть включена в специальный перечень правительства. Перечня как такового нет. Точнее, он состоит из одного пункта — в 2002 году в него включили общероссийский общественный благотворительный фонд поддержки военнослужащих и гражданского персонала вооруженных сил РФ, специальных служб и правоохранительных органов РФ — Национальный военный фонд. На этом процедура его составления завершилась, а льгота по подоходному налогу так и не заработала. Законодатели с подачи Белого дома решили исправить ситуацию и требование о включении дарителя в перечень правительства из Налогового кодекса исключить. Теперь воспользоваться льготой сможет благотворительная организация, просто созданная в соответствии с российским законодательством о благотворительности. Хочется надеяться, что на этом законодатели не остановятся.

Домой возврата нет

Выздоравливающий мальчик не может покинуть больницу

Отец девятилетнего Коли Дворянинова пишет губернатору Московской области Борису Громову: «...Интенсивное лечение заканчивается, можно ехать домой». У Коли лейкоз. Кажется, проходит. На Колину койку в больнице очередь из детей, больных лейкозом. Надо действительно ехать домой, из дома иногда приезжать в больницу лечиться амбулаторно. Надо ехать в чистый и теплый дом, потому что еще два года любая инфекция и любая простуда может убить мальчика. Но дома нет.

Они беженцы из Узбекистана. Александр Дворянинов пишет губернатору Громову, что в Ташкенте ему на улицах кричали: «Русский, езжай своя Россия». Он получил российское гражданство в посольстве и поехал на родину. Поселился у родственников в Реутове, стал искать работу. Он думал, что молодой и сильный, что заработает, устроится и перевезет семью. Так приблизительно и получалось. Через несколько месяцев Александр выписал из Ташкента жену Лидию, чтоб тоже устраивалась и искала работу, потому что они молодые и сильные. Коля остался пока в Ташкенте с бабушкой.

Очень похоже было, что все получится. Был февраль 2004-го, день зарплаты. Александр принес домой какие-то вполне внятные по ташкентским меркам деньги, но вечером позвонила из Ташкента бабушка и сказала, что мальчик заболел, что у него высокая температура, что сдали анализы.

Мы сидим с матерью Коли Дворянинова Лидией в коридоре онкогематологического отделения Российской детской клинической больницы, и Лидия рассказывает. Мы сидим в коридоре, потому что доктор просил меня не заходить надолго в Колину палату: несмотря на халат, маску и бахилы, бог знает, какие я могу принести мальчику вирусы.

— Потом бабушка позвонила на следующий день,— говорит Лидия,— и она плакала в трубку. Она сказала: «Прилетай, лейкоз».

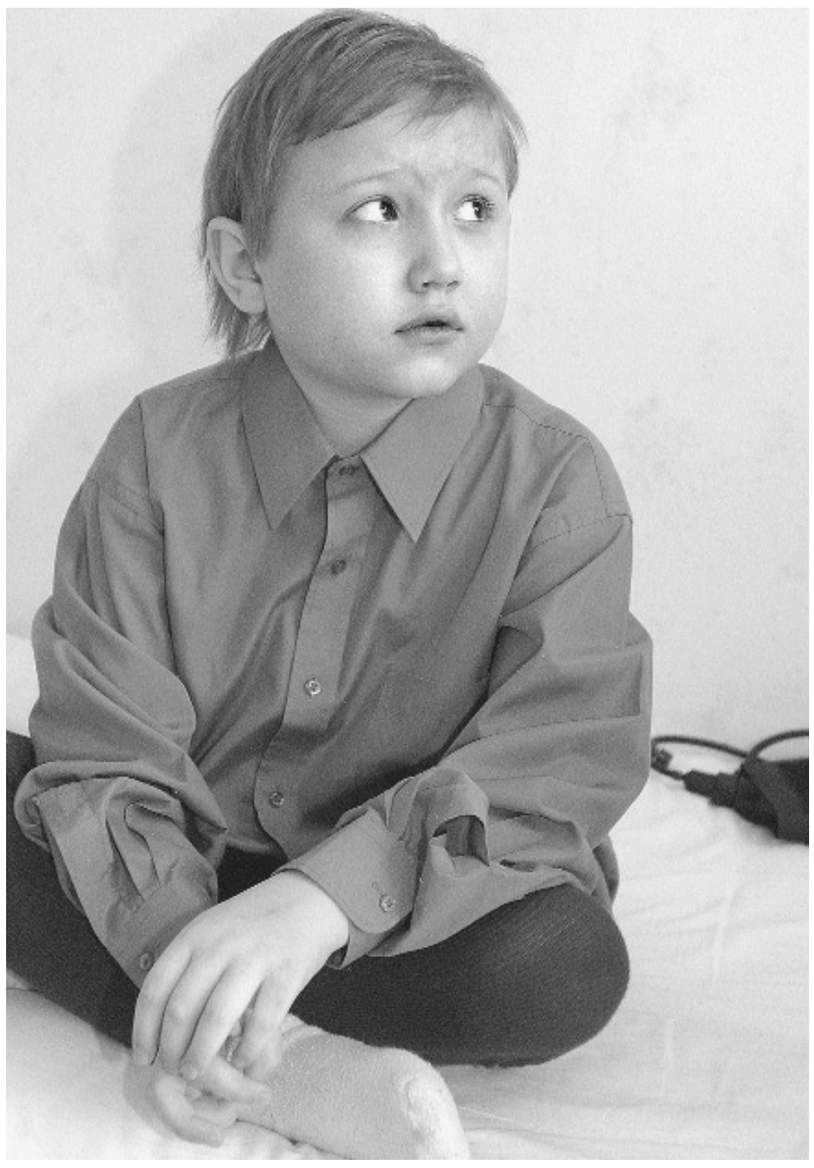
Внятной по ташкентским меркам зарплаты Александра не хватило даже на билет до Ташкента и обратно. Собирали по друзьям. Лидия прилетела в Ташкент, пошла в больницу, куда госпитализировали сына, и она говорит:

— Туалеты в Москве чище, чем эта больница.

Но сразу лететь в Москву было нельзя. Мальчик не выдержал бы перелета. Четыре дня ему кололи антибиотики и переливали кровь. На четвертый день температура снизилась, он мог даже ходить, Лидия взяла билеты на самолет, но в этот самый день были в Ташкенте взрывы. Они ехали в аэропорт, когда перекрыли дороги и отменили все вылеты. Они шли пешком три километра до аэропорта, и через несколько часов, когда аэропорт открылся, мальчик мог уже только лежать. В самолете он лежал у матери на коленях.

В Москве Александр и Лидия принесли Колю в больницу без предварительных согласований и направлений. Доктор говорит: «К нам редко привозят детей самотеком, как в травмпункт, но Коля попал к нам самотеком. Мы взяли его по экстренным показаниям. Мы только на три дня можем взять по экстренным показаниям».

За три дня Александр оформил какие-никакие документы на сына, правда, доктор говорит, что еще несколько месяцев необходимых документов все равно недоставало. Но Колю лечили. Он бы умер без лечения. 85% костного мозга было поражено раковыми клетками, если я правильно понимаю специальные разъяснения мамы и доктора.



Коля говорит: «Пункцию делать больно и страшно, но мама мне дает шоколадки за каждую пункцию»
ФОТО ИЛЬДАРА АЗЮКОВА

Сам Коля сидит на кровати, свесив ноги, в вену на ключице у него введен катетер, из-под майки тянется к капельнице прозрачная трубка. Смешной такой и стесняется улыбаться, потому что от химиотерапии пожелтели зубы. И говорит:

— Пункцию делать больно и страшно, но мама мне дает шоколадки за каждую пункцию. А папа приходит учить меня играть в шахматы. А мама не умеет в шахматы.

Александр Дворянинов действительно приходит по вечерам после работы и учит сына играть в шахматы. После шахмат Александр опять едет на работу, потому что ему больше негде ночевать. Ташкентская квартира продана, и деньги потрачены на лечение Коли. Доктор говорит, что лекарства бесплатные, но кроме лекарств еще много на что нужны деньги, и пока больной раком ребенок начнет выздоравливать, родители его, как правило, продают все, что имеют. Доктор говорит:

— 70% выживаемости у детей при лейкозах получается только потому, что есть технология лечения. Мы не можем больше держать ребенка в больнице. Но и отпустить его жить в сарай какой-нибудь тоже не можем. Он же сейчас цепляет на себя любые инфекции, и многие простые инфекции для него фатальны.

В письме губернатору Громову Александр Дворянинов просит маленькую квартиру где угодно в Подмосковье, чтобы можно было доехать до больницы. Им еще два года нужно продолжать лечение, если без осложнений.

Лидия Дворянинова в коридоре онкогематологического отделения рассказывает мне, что здесь кроме лечения лейкоза мальчику ее прооперировали еще порок легкого, на который не обращали внимания в Ташкенте. Еще она рассказывает, что чуть не умерла родами и не может больше иметь детей. Она как будто ищет дополнительных аргументов для меня или для губернатора Громова, чтоб мы захотели спасти ее мальчика.

Но мы ведь и так хотим спасти ее мальчика. Нет?

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

На однокомнатную квартиру для семьи Дворяниновых в Подмосковье надо еще $18 500

По мнению заведующего отделением онкогематологии и химиотерапии Российской детской клинической больницы Дмитрия Литвинова, у Коли Дворянинова хороший прогноз, но «в связи с заболеванием крови и пороком развития легкого он в высокой степени предрасположен к инфекционным осложнениям, представляющим угрозу для жизни». Сейчас у Коли период лечения в режиме внутреннего амбуланса. Днем он приходит в больницу на процедуры и обследования. Все остальное время Коля должен находиться дома. Но у Колиной семьи нет жилья и нет возможности снять квартиру. Его мама живет в больнице вместе с ним, а Дворянинов-старший работает компьютерщиком за 11 500 руб. в месяц и ночует прямо на работе. В связи с чем господин Литвинов направил в наш фонд следующее медицинское заключение: «Так как ребенок вынужден проживать в условиях общежития, что очень опасно, прошу помочь Коле Дворянинову приобрести необходимое жилье». Компания «МИЭЛЬ-Недвижимость» по нашей просьбе подыскала в подмосковном городе Железнодорожном однокомнатную квартиру для Дворяниновых за $30 тыс. и гарантирует юридическую чистоту сделки. Компания «Ингосстрах» по традиции этого года внесет $11 500 (подробности на сайте www.rusfond.ru). Таким образом, на квартиру для Коли не хватает еще $18 500. Банковские реквизиты сберкнижки отца Коли Александра Дворянинова получить можно в фонде.

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Из свежей почты

Костя Зубков, 3 года, врожденный порок сердца, спасет срочная операция. 145 250 руб.

Внимание! На операцию не хватает 72 625 руб. Вторую половину стоимости внесет американский фонд «Русский дар жизни». Подробности на сайте www.rusfond.ru.

На душе так плохо, что не передать. Раньше казалось, что дети — это радость, а теперь это постоянный страх. О том, что у Кости дефект межжелудочковой перегородки, узнала еще в роддоме, это было потрясение. Мы с мужем работаем на заводе по очереди, потому что Косте нельзя в детсад. Нельзя бегать и прыгать, но как объяснишь это малышу? Хотя он принимает лекарства, все равно часто болеет, появился сердечный горб, выпятилась левая сторона груди. Костя хватается за нее и плачет: «Больно там». В Кемерово приезжают томские кардиологи, наблюдают за Костей. Недавно установили повышение внутрисердечного давления. Надо срочно оперировать. Ужас в том, что нам нечем заплатить за операцию. Мы зарабатываем 6700 руб., а детей двое, есть еще Алеша 12 лет. Молю, спасите Костю! *Ольга Зубкова, Кемеровская область.*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ РАМН Сергей Иванов (Томск): «Откладывать операцию нельзя: нарушения быстро прогрессируют. Если лечение эндоваскулярным методом не скорректирует дефект, придется оперировать на открытом сердце. Подтянем перегородку между желудочками и зафиксируем ее. Костя будет здоров, но надо поторопиться».

Лана Кимельфельд, вдова, инвалид, нужны спецпитание для больного сына и бытовая техника. 51 325 руб.

Жизнь не очень добра к нам. Муж долго болел и скончался три года назад. Я признана бессрочным инвалидом второй группы и нетрудоспособной. Мой сын Джонатан родился с соединительнотканной дисплазией и нарушением жевательного рефлекса. Интеллектуально он полностью сохранен, на дому учится во втором классе, отличник. Много читает, сочиняет сказки и рассказы. Мне очень трудно прокормить Джонатана, ведь он до сих пор ест пюре да кашки для грудничков. Обогащенное витаминами импортное детское питание дорого, а прожить в столице на две пенсии и так не просто. Я давно ничего не могу купить, даже одежду с обувью. Сын просит игрушечного медвежонка, так обидно, что не могу его в Рождество порадовать. Стиральная машина и холодильник дышат на ладан, очень старые, а стирать руками я не в силах. Без пылесоса беда: с улицы натягивает столько пыли, а мы малоподвижны. Поддержать некому. Надеюсь на понимание и сострадание. Спасибо за ваши добрые дела. *Лана Кимельфельд, Москва.*

Специалист соцзащиты Светлана Львова (Москва): «Конечно, им нужна помощь. Бытовой техники, можно сказать, никакой нет: все ломается. Пенсии 4235 руб. на двоих. Деньги уходят на лекарства и витамины для сына: он не может полноценно питаться. В июне мы дали им проднабор на 250 руб., в октябре подарили настольные игры и канцтовары».

Ираида Тимофеева, 15 лет, грудной сколиоз IV степени, необходима операция в Новосибирском НИИТО. 192 080 руб.

Хоть бы вы напечатали мое письмо! Я учусь в 9 классе, мечтаю стать врачом. Но спина так болит, что даже плачу. В первом классе врачи нашли искривление позвоночника и направили меня в Чебоксары. Я лежала в больнице дважды в год и к 11 годам стала совсем горбатой. Надо оперировать, но в Чувашии такие операции не делают. Помочь взялись в Новосибирске. Однако 192 080 руб.— для нас невозможная цена! Мои родители трактористы. Но папе в глаз попала металлическая стружка, он ослеп и теперь дома хозяйствует. Мама с весны по осень в полеводстве, а зимой работы нет. У меня двое братиков: Коля в третьем классе, Андрей — в подготовительном. Маме нелегко, но она не унывает: играет на гармошке, учит нас петь, с уроками помогает. Как многодетная семья с двумя инвалидами мы на учете в соцзащите, а там денег нет. Так странно, что моя судьба зависит от денег. *Ира Тимофеева, Чувашия.*

Зав. отделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Это тяжелый сколиоз, деформация позвоночника свыше 80 градусов. Реберный горб, сдвиг туловища. Девочка еще не знает о других неизбежных последствиях со стороны внутренних органов. А мы знаем. Поэтому оперировать обязательно и срочно».

Паша Шишкин, 5 лет, двусторонняя тугоухость IV степени, нужны цифровые слуховые аппараты. 50 274 руб.

Паша родился очень тяжело и первые полтора месяца провел в больнице. Ему вводили много разных препаратов, в том числе гентомицин, сильный антибиотик. В детсаду нам объявили, что Паша не слышит! Мы не могли поверить. Правда, сын не всегда откликался, но мы списывали это на невнимательность. Мы много лечились, но сын так и не заговорил. Купили слуховой аппарат, да слабый. Перевели Пашу в спецдетсад, и речевая активность еще понизилась: произносит только звуки, хоть и очень эмоционально. Мы его понимаем, но как он, повзрослев, жить будет? Мы не можем купить цифровики. Я кассир в зале игровых автоматов (дежурю сутки через двое, чтобы заниматься сыном), муж милиционер. Вдвоем получаем 15 000 руб. Помогите, пожалуйста! *Надежда Шишкина, Подмосковье.*

Врач сурдоцентра «Отофон» Татьяна Куку (Москва): «Пашу еще можно научить говорить, у него хороший остаточный слух. Нужны хорошие аппараты и упорство. Мы подобрали ему подходящие аппараты, мальчик чувствовал себя комфортно».

Вася Демчук, 1 год, цитомегаловирусная инфекция, срочно нужен препарат цитотект. 79 870 руб.

Васенька еще в роддоме начал покашливать. Диагнозы ставили и снимали, а кашель усиливался. Малыш задыхался. За 10 месяцев было шесть острых приступов, три бронхита. Сильнейшие антибиотики давали краткое облегчение. Только в Педиатрической академии после приступа, с которым не могли справиться две с половиной недели, обнаружили цитомегаловирус. Полагают, занесли в роддоме. Сейчас идет бурный рост инфекции, иммунная система ослаблена. Спасет только препарат цитотект. Одна ампула стоит свыше 7000 руб., а надо 10 ампул. Бог отвел самое страшное: дети с такой инфекцией обычно не доживают до полугода. Удар приняли на себя легкие и поджелудочная железа. Но если вирус не остановить, последствия ужасны. Денег нет. Муж — электрик в Ленэнерго, это 3000 руб., а с подработками до 10 000. Старшему, Саше, 9 лет. Цепляюсь за безумную надежду, что кто-то спасет моего сына. *Валентина Демчук, Санкт-Петербург.*

Доцент кафедры педиатрии СПб ГПМА Мария Ревнова: «Голова у Васи сохранная, но пострадали почки. Цитотект — мощный препарат, дешевых аналогов нет. Без него малыш тихо завянет. Если срочно пролечим в стационаре, Вася будет здоров».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Письма больше не нужны

Про десятилетнюю Настю Савельеву, девочку, которая видела, как убили ее мать и как сгорел ее дом, мы писали год назад. У нее еще был лейкоз, ей нужна была трансплантация костного мозга, она была очень полная от гормонов, совершенно лысая от химиотерапии, ей негде было жить, если выживет, и у нее никого не было, кроме бабушки, которая бросила пить, чтобы ухаживать за внучкой, но так мучилась от абстиненции, что не могла отличить сырое мясо от вареного.

ВАЛЕРИЙ МЕЛЬНИКОВ

Год назад Таня наткнулась в интернете на сообщение о том, что Насте Савельевой собрали денег на трансплантацию костного мозга. Кликнула мышкой, прочла мою заметку про то, что Настя умрет, если не сделать ей трансплантацию, а потом прочла отчет о том, что деньги собраны и Настя готовится к операции. Никакого смысла звонить в гематологическое отделение РДКБ не было, но Таня все равно позвонила и спросила доктора, чем еще можно помочь Насте Савельевой. Доктор сказал, что денег больше не нужно, Настю готовят к трансплантации, девочка сидит в стерильном боксе одна, к ней в бокс никому нельзя входить, но можно разговаривать с ней через стекло.

— Может быть, вы придете поговорить с ней? Ей одиноко и страшно.

У Тани свои две дочери: старшая дочь-подросток, тоже Настя, и двухлетняя Даша. Еще Таня работает в бухгалтерской фирме мужа, то есть у нее не особенно-то было время ходить по больницам и болтать с незнакомыми девочками, даже если те сидят в стерильном боксе, даже если им одиноко и страшно. Но Таня пошла почему-то.

К тому времени врачам пришлось отказаться от услуг Настиной бабушки, которая вызвалась быть у внучки сиделкой и даже бросила пить для этого, но, видимо, так плохо чувствовала себя из-за отсутствия алкоголя, что никак не могла запомнить, что девочке с убитым костным мозгом, запертой в стерильном боксе, смертельно опасно есть сырые сосиски и вообще смертельно опасно есть что-нибудь не сваренное в скороварке. Приезжали еще какие-то дальние Настины родственники, хотели удочерить девочку, если выживет, но они думали, что девочку дают вместе с квартирой, и, узнав, что девочку дают без квартиры, уехали.

Два месяца Таня разговаривала с Настей через стекло и подарила ей через стекло настоящую (простерилизованную) куклу Барби. Мы сидим сейчас в Таниной кухне, и Настя особо подчеркивает, что это настоящая Барби. Настя стала вдвое стройнее с тех пор, как я видел ее год назад, у Насти отросли красивые черные волосы, и она зовет Таню мамой. Она говорит, что тогда в боксе ей очень хотелось, чтобы Таня ее удочерила. И потом, когда врачи разрешили Насте выходить из бокса и Настя впервые обняла Таню и стала прогуливаться с ней, надев респиратор, по коридорам больницы, ей еще больше захотелось стать Таниной дочкой. А что вы думали? Дети после трансплантации костного мозга долго еще гуляют в респираторе. Потому что им смертелен любой микроб.

И Таня тоже хотела удочерить Настю. И Танина старшая дочь тоже уже ходила к маленькой Насте в больницу и мечтала, чтобы Настя стала ее сестренкой.

— Я только боялась, что муж не разрешит,— говорит Таня.— Я все время притаскиваю в дом всякую живность, собак раненых, кошек, а он у меня армянин и считает, что животные в доме — это нечисто. Я однажды притащила лабрадора, а он сказал: «Выбирай — или я, или собака».

Поговорить с Таниным мужем взялась теща, Танина мать. Таня нарочно ушла из дома, позвонила домой, мать сняла телефонную трубку и положила на стол, чтобы Таня могла по телефону слышать, что скажет муж. Старшая Танина дочь тоже слушала из соседней комнаты, кажется. А маленькая Настя в больнице писала Тане письмо, что просит взять ее в дочки, но поймет и не обидится, если взять нельзя.

— Мне нужно поговорить с вами,— сказала Танина мама зятю, когда тот пришел домой.

— Слушаю вас,— у него не было времени, он собирался в командировку.

— Вы знаете, вот есть эта девочка Настя в больнице... У нее совсем никого нет... Ну, эта девочка, которую навещает моя дочь...

И вдруг он сказал:

— Что у нас, тарелки супа не найдется? Ну, если у девочки никого нет, то надо ее брать, конечно. Странно вы, русские, как-то относитесь к детям, вы их бросаете.

После этих слов Таня пошла к Насте в палату и сказала, что берет ее в дочки. Я сижу у них на кухне и спрашиваю девочку:

— А где письмо? Где письмо, в котором ты просила Таню удочерить тебя.

— Я его порвала,— говорит Настя.— Мне нельзя было прыгать на кровати, потому что кости после трансплантации очень хрупкие, но я прыгала и рвала письмо. Потому что оно было не нужно.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $7 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru.
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).
E-mail: rfp@kommersant.ru.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».